Самсон Гелхвидзе

Последняя клятва

Исторический роман

Триста арагвинцев.
Один подвиг.
Вечная память.

18+

Память о подвиге — сила народа

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ

ПОСЛЕДНЯЯ КЛЯТВА – (роман)

«Автор»
2026

ГЕЛХВИДЗЕ С.

ПОСЛЕДНЯЯ КЛЯТВА – (роман) / С. ГЕЛХВИДЗЕ — «Автор», 2026

«Последняя клятва» — исторический роман о мужестве, верности родной земле и человеческом достоинстве, раскрывающий трагические события Крцанисского сражения 1795 года. В центре повествования — судьбы простых людей, для которых защита родины становится нравственным выбором, определяющим всю их жизнь.Автору удаётся показать войну не только через столкновение армий, но и через переживания людей, их любовь, страх за близких, дружбу, потери и ответственность перед будущими поколениями. Особую эмоциональную силу произведению придают образы Гиви, Левана и их товарищей, а также мотив трёхсот арагвинцев — символа самоотверженности и верности данному слову.Это повествование не только о подвиге погибших, но и о долге живых — сохранить память, передать правду потомкам и не позволить времени стереть имена героев.«Последняя клятва» — роман о том, что настоящая верность родине измеряется не громкими словами, а поступками, за которые человек готов отвечать собственной жизнью.

© ГЕЛХВИДЗЕ С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ 6
Часть первая. Земля, которая нас родила 9
Глава 2. Люди горной стороны 13
Глава 3. Весть из Тифлиса 17
Глава 4. Царское слово 20
Глава 5. Дорога на юг 23
Глава 7. Встреча с царём 29
Глава 8. Тревожные вести 32
Конец ознакомительного фрагмента. 33

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ
ПОСЛЕДНЯЯ КЛЯТВА – (роман)

ПОСЛЕДНЯЯ КЛЯТВА – (роман)
Исторический роман о трёхстах арагвинцах

ПРОЛОГ

Перед рассветом

Ночь перед большим сражением редко бывает похожа на ночь. В ней нет привычного покоя, нет той тишины, которая приходит в дома после долгого трудового дня. Даже ветер, спускающийся с гор, словно чувствует приближение беды и движется осторожнее, касаясь травы и камней, не решаясь нарушить тяжёлое молчание земли.

В ту ночь над Крцанисским полем стоял сырой сентябрьский туман. Он стелился низко, цеплялся за склоны, прятал дороги и ложбины, а вдали, за темнеющими холмами, мерцали редкие огни огромного войска. Там, где ещё недавно паслись стада и путник мог спокойно остановиться у ручья, теперь стояли люди, готовые утром убивать друг друга.

Оттуда, с юга, приближалась армия Ага-Мохаммед-хана. Её движение уже нельзя было принять за очередной набег или угрозу, после которой враг повернёт назад. Шах шёл на Тифлис, и на этот раз его намерение было ясно каждому, кто умел читать не только слова посланников, но и следы конских копыт на дорогах.

Грузинское войско было несравненно меньше. Людей не хватало, оружия тоже, а надежды, на которые ещё недавно рассчитывали в царском дворце, одна за другой исчезали. Но за спинами тех, кто собрался у Крцаниси, находилась столица. Там жили их матери, жёны и дети, там стояли храмы, в которых крестили младенцев и отпевали стариков, там на узких улицах ещё звучали голоса торговцев, спорили соседи, возвращались домой уставшие ремесленники.

Тифлис не был для них просто городом. Он был домом, который нельзя было отдать без борьбы.

Неподалёку от одного из небольших костров сидели несколько горцев. Их одежда была запылена дорогой, на ремнях висели кинжалы, рядом лежали ружья. Они пришли из мест, где река Арагви пробивалась между крутыми склонами, где каждый знал цену гостеприимству, крепкому слову и мужской чести. В столице их называли арагвинцами.

Сколько их было в действительности, теперь уже трудно установить с точностью, достойной строгого исторического исследования. Но память народа сохранила за ними имя трёхсот — число, ставшее символом целого отряда и его жертвы.

Самый молодой из сидевших у костра, широкоплечий парень с ещё не до конца оформившейся бородой, долго смотрел на угли. Он был из тех, кто обычно не торопится говорить о своих чувствах, но этой ночью молчание давалось ему особенно тяжело.

— Как думаешь, Гиви, — наконец произнёс он, — они действительно придут с рассветом?

Старший воин поднял голову. На его лице, изборождённом морщинами, отражался огонь.

— Они уже пришли, Леван. Просто пока не видны.

— А если нас не хватит?

Гиви не ответил сразу. Он протянул руки к костру, словно хотел согреть не пальцы, а что-то внутри себя.

— Нас никогда не бывает достаточно, когда на родную землю приходит чужое войско. Но иногда достаточно того, что люди не разбегаются.

Молодой воин опустил глаза. Под курткой, у самого сердца, лежал маленький тканый мешочек, который перед дорогой дала ему мать. В нём была горсть земли из родного двора. Он не знал, зачем взял её с собой, но с тех пор ни разу не расставался с этим мешочком.

— Мать просила меня вернуться, — сказал он. — Сказала, что отец не переживёт, если и меня потеряет.

— У тебя есть отец?

— Есть. Старый уже. В прошлом году едва поднялся после болезни.

— Тогда тебе тем более нужно помнить, ради чего ты здесь.

Леван поднял глаза.

— Ради него?

— И ради него. Ради матери. Ради тех, кто остался в наших ущельях. Ради тех, кто сейчас спит в Тифлисе и не знает, что завтра может проснуться в другом мире.

С другого конца стоянки донёсся негромкий разговор. Кто-то проверял кремниевое ружьё, кто-то поправлял ремень, кто-то молился, не поднимая головы. В стороне двое мужчин делили последнюю лепёшку. Один отламывал кусок поменьше, второй сердился и требовал, чтобы товарищ не притворялся сытым.

Жизнь продолжалась даже здесь, на пороге смерти. Люди думали о хлебе, о холоде, о доме, о тех, кому обещали вернуться. И, возможно, именно поэтому их предстоящая жертва была так страшна: они не искали смерти и не мечтали о славе. Они хотели жить.

Но отступить означало оставить без защиты тех, кого они любили.

Неподалёку прошли царские посланники. Их лошади устали, лица были напряжены. Один из всадников остановился возле костра и спросил, все ли готовы к утру. Гиви поднялся.

— Мы готовы.

— Царю нужны люди, которые удержат позиции. Необходимо выиграть время, чтобы остальные части войска смогли перестроиться.

— Мы поняли.

Посланник задержал взгляд на горцах.

— Передайте своим: завтра будет тяжёлый день. Не каждый сможет вернуться.

Гиви спокойно посмотрел ему в глаза.

— Мы пришли сюда не потому, что рассчитывали на лёгкую дорогу.

Всадник кивнул и направился дальше.

Леван долго следил за удаляющейся фигурой, а затем повернулся к старшему.

— Гиви, а ты боишься?

Старый воин не стал смеяться над вопросом и не попытался изобразить бесстрашие.

— Конечно, боюсь. Глуп тот, кто не боится смерти. Только страх не должен решать за тебя, что делать.

Он поднялся, взял своё ружьё и проверил кремень. Потом посмотрел в сторону темневших холмов.

— Запомни одну вещь, мальчик. Человек не становится храбрым оттого, что не чувствует страха. Он становится храбрым, когда понимает, что есть нечто дороже его страха.

Леван ничего не ответил. Он вынул из-под одежды маленький мешочек с родной землёй и осторожно сжал его в ладони.

На востоке небо оставалось тёмным, но где-то за горами уже начиналось утро. Ветер принёс запах дыма, мокрой травы и далёких костров. В лагере постепенно просыпались люди. Кто-то вставал, кто-то перекрещивался, кто-то поправлял оружие. Несколько всадников направились к царскому шатру.

В эту ночь никто не произнёс громких речей о бессмертии. Никто не обещал, что все вернутся домой. Люди знали, что впереди их ждёт испытание, но ещё не знали, сколько им предстоит пережить до последнего часа.

И тогда среди воинов поднялся один из старших. Он посмотрел на товарищей и сказал негромко, без торжественности, словно речь шла о простом деле, которое каждый из них должен был исполнить:

— Мы дали слово защищать свою землю. Пока стоим здесь, это слово остаётся в силе.

Один за другим мужчины поднялись с земли. Никто не произносил клятву по отдельности, никто не требовал от другого доказательств верности. Их связывали родные горы, общая дорога и понимание того, что за их спинами находится целая страна.

Над Крцанисским полем медленно светлело.

Впереди был день, которому суждено было остаться в памяти Грузии как один из самых трагических и героических дней её истории.

И когда над полем прозвучат первые выстрелы, многие из тех, кто этой ночью сидел у костра, уже не смогут увидеть следующего рассвета.

Но клятва, данная ими перед боем, переживёт их самих. Потому что иногда человек уходит, а слово, которое он оставил после себя, продолжает жить столетиями.

Часть первая. Земля, которая нас родила
Глава 1. Ущелье над рекой

Утро в горах начиналось не сразу. Сначала над вершинами появлялась тонкая серебристая полоса, потом свет осторожно касался высоких скал, задерживался на снежных пятнах и медленно спускался к лесам, пастбищам и небольшим селениям, разбросанным по склонам. Внизу, среди камней, шумела Арагви. Её воды, то спокойные и прозрачные, то быстрые и пенистые, неслись между берегами, словно торопились рассказать кому-то о том, что произошло за ночь в горах.

Селение просыпалось под привычные звуки. Где-то мычала корова, выпущенная из хлева, где-то хлопнула деревянная дверь, а со двора одного из домов донёсся звонкий голос женщины, звавшей детей к завтраку. Мужчины уже выходили к хозяйственным постройкам, проверяли скот, осматривали огороды и готовились к дневной работе. В этих местах человек редко мог позволить себе долго лежать в постели: горы не прощали беспечности, а хозяйство требовало постоянного внимания.

Дом Гиви стоял немного выше остальных, на небольшом выступе склона. Из его окон открывался вид на реку и дальнюю дорогу, которая, петляя между холмами, уходила в сторону долины. Дом был старым, сложенным из камня, с деревянной галереей и широким навесом над входом. Внутри пахло свежим хлебом, древесным дымом и сушёными травами. На стене висели старое ружьё отца, несколько кинжалов и потемневшая от времени икона.

Гиви проснулся раньше всех. Он вышел во двор, умылся холодной водой из каменного корыта и долго стоял, глядя на реку. Ему было около сорока пяти лет. За плечами он имел несколько военных походов, множество трудных дорог и достаточно потерь, чтобы не считать жизнь простой и понятной. Но в его движениях ещё сохранялась сила горца, привыкшего рассчитывать прежде всего на собственные руки.

Из дома вышла его жена Мариам. Она накинула на плечи тёплую шерстяную накидку и остановилась рядом.

— Ты опять не спал?

— Спал.

— Не обманывай меня, Гиви. Я слышала, как ты ходил по комнате.

Он улыбнулся, но ничего не ответил.

— Опять думаешь о дороге? — спросила она.

— О дороге, о людях, о том, что происходит в Тифлисе.

Мариам посмотрела туда же, куда смотрел муж.

— Вчера приходил Давид. Говорил, что внизу неспокойно.

— Давид всегда приносит новости, даже когда их нет.

— На этот раз он был серьёзен.

Гиви повернулся к жене.

— Что именно он сказал?

— Что царские люди ездят по селениям. Собирают сведения, говорят о войске, о персидском шахе. И ещё он сказал, что скоро могут понадобиться мужчины.

Гиви помолчал.

— Значит, слухи дошли и сюда.

— А ты знал?

— Я знал, что рано или поздно это случится.

Мариам внимательно посмотрела на него. Она давно научилась различать его молчание: одно означало усталость, другое — раздражение, третье появлялось перед тем, как он принимал решение, которое уже не собирался менять.

— Ты ведь не думаешь снова уходить? — тихо спросила она.

Гиви опустил глаза.

— Пока никто меня никуда не звал.

— Я спросила не об этом.

Он подошёл к жене и положил руку ей на плечо.

— Мариам, если придёт царский приказ, я не смогу остаться дома.

— А если не придёт?

— Тогда, может быть, мне и не придётся никуда уходить.

Она отвернулась к реке. Ей хотелось верить этим словам, хотя оба понимали, что муж уже мысленно собирает дорогу.

В доме проснулся Леван. Он вышел во двор, потирая глаза, и остановился, увидев родителей.

— Отец, ты сегодня пойдёшь к Давиду?

— Если закончу работу.

— Я могу пойти с тобой.

— Тебе ещё нужно помочь деду с овцами.

Леван недовольно нахмурился.

— Я уже не ребёнок.

— Я этого и не говорил.

— Но ты всё время поручаешь мне только хозяйство.

Гиви посмотрел на сына с лёгкой улыбкой.

— Хозяйство, между прочим, тоже требует мужества. Попробуй один день прожить без хлеба и увидишь, сколько храбрости останется у самого отважного воина.

Мариам улыбнулась, но Леван не сдавался.

— Я хочу научиться обращаться с ружьём.

— Ты уже умеешь.

— Тогда почему ты не берёшь меня с собой, когда идёшь к другим мужчинам?

— Потому что всему своё время.

— Ты всегда так говоришь.

— А ты всегда торопишься.

Отец и сын посмотрели друг на друга. В их взглядах не было ссоры, только то привычное напряжение, которое возникает между взрослеющим юношей и отцом, ещё не готовым признать, что перед ним уже почти мужчина.

После завтрака Гиви отправился вниз, к дому Давида. По дороге он встретил соседей, обменялся с ними приветствиями и остановился возле небольшой кузницы. Кузнец Бесо работал у горна, а его помощник держал щипцами раскалённую заготовку.

— Доброе утро, Гиви! — крикнул Бесо. — Ты куда направился?

— К Давиду.

Кузнец выпрямился и вытер пот со лба.

— Тогда передай ему, что я закончил наконечники для копий. Пусть пришлёт кого-нибудь забрать.

— Много заказов?

— Больше, чем обычно. Люди вдруг вспомнили, что оружие должно быть исправным.

Гиви посмотрел на раскалённый металл.

— Хорошо бы они так же заботились о мире.

Бесо усмехнулся.

— Мир не требует кузнеца. А война, как видишь, без нас не обходится.

Они попрощались, и Гиви продолжил путь.

Дом Давида стоял возле развилки, откуда одна дорога вела к реке, а другая поднималась к пастбищам. Давид был человеком лет пятидесяти, бывшим воином, который после нескольких походов вернулся к земледелию и торговле. Его уважали за рассудительность и умение говорить с людьми, не унижая их и не пытаясь казаться умнее других.

Когда Гиви вошёл во двор, хозяин сидел под навесом и читал письмо.

— Ты пришёл вовремя, — сказал Давид, складывая лист. — Я как раз собирался послать за тобой.

— Что случилось?

— Пока ничего окончательного. Но в Тифлисе неспокойно. Говорят, шах требует от царя Ираклия подчинения и выплаты дани. Царский двор не намерен принимать эти условия.

Гиви сел напротив.

— А кто передал новости?

— Купец из столицы. Он прибыл вчера вечером. Говорит, что в городе обсуждают возможное вторжение. Одни считают, что шах только пугает царя. Другие уверены, что война уже решена.

— А ты что думаешь?

Давид посмотрел на него поверх стола.

— Я думаю, что человек, который собирает большое войско, редко делает это ради прогулки.

Они помолчали.

— Есть ещё кое-что, — продолжил Давид. — Царские представители действительно собираются посетить наши селения. Им нужны сведения о вооружённых мужчинах, лошадях, запасах. Возможно, будут просить выставить отряды.

— Значит, разговоры о наборе не пустые.

— Похоже на то.

Гиви провёл ладонью по лицу.

— Сколько людей смогут выставить наши селения?

— Не знаю. Но если дело дойдёт до настоящей войны, никто не останется в стороне.

— А женщины и дети?

Давид тяжело вздохнул.

— Им придётся ждать.

Гиви посмотрел на дорогу, уходившую между домами.

— Самое страшное в войне не то, что мужчины уходят. Самое страшное — что остаются те, кто должен ждать их возвращения.

Давид не ответил. Он знал, что за этими словами стоит не отвлечённое рассуждение. Гиви уже терял товарищей и однажды возвращался домой один из целого отряда.

В тот день разговоры о приближающейся беде впервые перестали быть обычными слухами. К вечеру новость о возможном приезде царских посланников обошла почти всё селение. Мужчины собирались небольшими группами, женщины обсуждали происходящее у колодцев, старики вспоминали прежние набеги и говорили, что горы снова могут стать дорогой для чужого войска.

Леван узнал обо всём от соседа и поспешил домой. Он нашёл отца во дворе, где тот чинил старую упряжь.

— Отец, это правда? Нас могут призвать?

Гиви не поднял головы.

— Могут.

— И ты пойдёшь?

— Если понадобится.

— А я?

— Ты останешься с матерью и дедом.

Леван вспыхнул.

— Но я тоже могу сражаться!

Гиви положил инструмент на скамью.

— Послушай меня внимательно. Я не собираюсь отправлять тебя на войну ради того, чтобы ты доказал мне свою взрослость. Война не место для доказательств. Если однажды тебе придётся взять оружие, ты должен будешь понимать, зачем это делаешь.

— А ты понимаешь?

Отец долго смотрел на сына.

— Пока мы говорим об угрозе, я могу надеяться, что всё обойдётся. Но если враг придёт к нашему порогу, я буду знать, что обязан защищать этот порог.

Леван хотел возразить, но не нашёл слов.

Вечером семья собралась за столом. Мариам подала хлеб, сыр, зелень и горячее блюдо из фасоли. Разговор шёл о хозяйстве, о предстоящем ремонте крыши и о том, что нужно успеть до холодов. Но каждый невольно прислушивался к дороге, словно оттуда уже могли донестись шаги царских посланников.

За окном темнели горы. Арагви продолжала шуметь между камнями, не зная человеческих тревог и не замечая, как постепенно меняется жизнь людей на её берегах.

Гиви поднялся из-за стола и подошёл к окну. Он долго смотрел на дальние огни селения, потом повернулся к семье.

— Завтра я пойду к старейшинам. Нужно понять, что происходит и чего нам ждать.

Мариам кивнула. Леван молча опустил голову.

Никто из них ещё не знал, что привычный порядок жизни скоро будет нарушен. Что дороги, по которым мужчины ходили на рынок и к соседям, станут дорогами военного сбора. Что разговоры у домашнего очага сменятся разговорами о царском приказе, оружии и предстоящем походе.

Но горы уже слышали приближение беды.

И река, как прежде, несла свои воды на юг, туда, где находился Тифлис, где жил царь Ираклий и где вскоре решится судьба не только столицы, но и многих людей, пока ещё не подозревавших, что их имена однажды станут частью народной памяти.

Глава 2. Люди горной стороны

В горах редко узнавали о важных событиях из официальных объявлений. Новости приходили вместе с путниками, купцами, пастухами и всадниками, задерживавшимися в селениях на ночлег. Иногда достаточно было одного незнакомого лица на дороге, чтобы жители поняли: где-то произошло нечто необычное. Человек мог ещё не успеть спешиться, а вокруг него уже собирались соседи, спрашивали о дороге, о ценах на зерно, о состоянии мостов и переправ, а главное — о том, что слышно в Тифлисе.

На следующий день после разговора Гиви с Давидом селение жило уже совсем иначе. Внешне всё оставалось прежним: женщины занимались домашними делами, мужчины уходили на пастбища, дети бегали между домами. Но за привычными занятиями чувствовалось напряжение. Даже старики, которые прежде относились к рассказам о возможной войне с недоверием, теперь чаще выходили на дорогу и подолгу всматривались в сторону долины.

Утром Гиви отправился к старейшинам. Его сопровождал Давид, а немного позади шёл Леван, которому отец всё-таки разрешил присутствовать при разговоре, предупредив, что слушать он будет больше, чем говорить.

Старейшины собрались в доме Георгия, которого в селении называли Гиго. Ему было уже за семьдесят. Он не отличался богатством, но пользовался уважением благодаря своему спокойствию и памяти. Он помнил рассказы отца о прежних походах, знал старые родовые предания и умел примирять людей, когда споры начинали угрожать общему делу.

Когда Гиви вошёл, в комнате уже сидели шестеро мужчин. На столе стоял кувшин с вином, лежал хлеб, несколько кусков сыра и небольшая тарелка с орехами.

— Садись, Гиви, — пригласил хозяин. — Сегодня у нас разговор не о хозяйстве.

— Это я уже понял, — ответил тот.

Давид рассказал собравшимся о новостях из Тифлиса. Он не стал преувеличивать опасность, но и не пытался успокоить людей пустыми обещаниями. Шах Ага-Мохаммед-хан усиливал свои позиции, требовал признания власти и подчинения. Царь Ираклий II не желал принимать подобные условия. Переговоры не приносили результата, а в столице всё чаще говорили о возможности большой войны.

Один из старейшин, плотный мужчина с седой бородой, нахмурился.

— Мы слышали подобное и раньше. Персы приходили, требовали дань, угрожали, потом уходили. Почему теперь должно быть иначе?

— Потому что теперь речь идёт не только о дани, — ответил Давид. — Купцы говорят, что шах хочет показать всему Кавказу, кто здесь хозяин.

— А кто ему позволил считать себя хозяином наших гор? — резко спросил другой.

Гиго поднял ладонь, призывая к спокойствию.

— Не будем спорить о том, что думает шах. Нам нужно понять, что будем делать мы.

Гиви, до этого молчавший, подался вперёд.

— Если царю понадобится помощь, мы должны знать, сколько людей сможем выставить. Нельзя ждать последнего дня, а потом искать оружие и лошадей.

— Ты уже решил, что пойдёшь? — спросил старейшина с седой бородой.

— Я решил, что не стану прятаться за чужими спинами.

— Это легко сказать, когда речь идёт о тебе одном. А если у тебя жена и сын?

Гиви не отвёл взгляда.

— Именно потому, что у меня есть жена и сын, я и думаю об этом.

Старейшины переглянулись. В словах Гиви не было желания спорить или показать собственную храбрость. Он говорил о том, что считал обязанностью каждого мужчины, если опасность действительно придёт к его дому.

Разговор продолжался долго. Одни предлагали дождаться царского распоряжения, другие считали, что нужно заранее готовить людей. Обсуждали состояние оружия, количество лошадей, запасы продовольствия и возможность отправить разведчиков к южным дорогам.

В какой-то момент заговорил Гиго:

— Наши отцы говорили, что горы защищают нас от многих бед. Но горы не могут защитить страну, если каждый будет думать только о собственном ущелье. Когда приходит опасность, мы должны помнить, что живём не в отдельных селениях, а в одной Грузии.

Эти слова произвели впечатление на собравшихся. Даже те, кто прежде спорил, теперь молчали.

После встречи Гиви и Давид задержались во дворе. Леван стоял неподалёку и делал вид, что рассматривает старую каменную ограду, хотя внимательно слушал разговор взрослых.

— Ты заметил, как они изменились? — спросил Давид.

— Кто?

— Старейшины. Ещё неделю назад многие из них говорили, что шах не решится на большой поход. Сегодня никто уже не произносит этого с уверенностью.

Гиви поправил ремень.

— Люди начинают понимать, что опасность может оказаться настоящей.

— А твой сын?

Гиви посмотрел на Левана.

— Он слишком торопится стать мужчиной.

Давид усмехнулся.

— А разве мы сами не были такими?

— Были. Но тогда наши отцы тоже пытались удержать нас дома.

— И удержали?

Гиви улыбнулся.

— Как видишь.

В этот момент к ним подошёл молодой человек по имени Бесо. Он был кузнечным помощником, высоким, худощавым, с живыми глазами и привычкой говорить быстрее, чем думать. В отличие от многих молодых людей, он не стремился выглядеть суровым. Любил шутить, спорить, петь и мог часами рассказывать о том, как однажды собирался отправиться в Тифлис, но так и не решился оставить мать одну.

— Гиви, Давид! — поздоровался он. — Вы уже решили, кто будет командовать нашим отрядом?

— Пока никто не собирается командовать, — ответил Гиви.

— А зря. Если начнётся война, кто-нибудь должен будет следить, чтобы люди не разбежались.

Давид посмотрел на него с улыбкой.

— Ты уже готов стать командиром?

— Я готов хотя бы попробовать.

— Тогда начни с кузницы. Там у тебя пока больше возможностей командовать молотом, чем людьми.

Бесо рассмеялся.

— Вот за это я вас и не люблю. Ни одного серьёзного разговора без насмешки.

— А ты попробуй хотя бы один день не говорить о войне, — заметил Гиви.

— Это легко. Если война сама не придёт.

Они тоже засмеялись, но смех быстро стих. Каждый понимал, что за шутками скрывается тревога, которую никто не хотел показывать слишком открыто.

Тем временем в соседнем селении происходило нечто похожее. Там жили люди, чьи семьи веками занимались скотоводством, земледелием и ремеслом. Одни были искусными

всадниками, другие славились меткой стрельбой, третьи знали горные тропы так хорошо, что могли провести отряд там, где чужой путник не нашёл бы даже прохода. Их объединяло не богатство и не положение, а привычка рассчитывать на собственную силу и помощь соседей.

Вечером Гиви вернулся домой позже обычного. Мариам встретила его у двери.

— Ну что?

— Пока ничего окончательного.

— Значит, всё-таки будут собирать людей?

— Скорее всего.

Она поставила на стол миску с горячей едой.

— Я сегодня разговаривала с Тамар. Её муж тоже слышал о царских посланниках. Она сказала, что в их доме уже начали готовить дорожные мешки.

— Рано ещё.

— Для кого рано? Для тех, кто собирается уходить, или для тех, кто останется ждать?

Гиви посмотрел на жену.

— Ты знаешь, что я не могу обещать тебе, будто никуда не уйду.

— Я знаю. Но мне хотелось бы хотя бы раз услышать от тебя не то, что ты должен, а то, чего хочешь сам.

Он сел и некоторое время молчал.

— Я хочу жить здесь, Мариам. Хочу видеть, как Леван станет взрослым, как он построит собственный дом, как у нас появятся внуки. Хочу встречать осень, чинить крышу, ходить к Давиду и спорить с ним о ценах на зерно. Мне не нужна слава.

— Тогда почему ты всё время думаешь о войне?

— Потому что иногда человек не может сохранить то, что любит, если не готов его защищать.

Мариам опустилась напротив.

— Я не прошу тебя стать трусом. Я прошу тебя помнить, что дома тебя ждут.

— Я всегда помню.

Вечером Леван долго сидел на пороге. Он слышал разговор родителей, но не хотел вмешиваться. Ему казалось несправедливым, что отец может уйти защищать царство, а ему самому придётся оставаться в селении. Он ещё не понимал, что ожидание иногда требует не меньшего мужества, чем бой.

Когда стемнело, Гиви вышел во двор. На небе появились первые звёзды. Вдали шумела река, а над селением поднимался лёгкий дым от домашних очагов.

Он подошёл к старому ружью, висевшему на стене под навесом, снял его и внимательно осмотрел. Оружие давно нуждалось в чистке, но механизм оставался исправным. Гиви провёл ладонью по прикладу, словно здоровался со старым товарищем.

В дверях появился Леван.

— Отец, научи меня завтра стрелять.

Гиви посмотрел на сына.

— Хорошо. Только не ради того, чтобы ты поскорее отправился на войну.

— А ради чего?

— Чтобы ты понимал, что оружие — не игрушка и не украшение. Оно требует ответственности.

Леван кивнул.

Они ещё немного постояли рядом, глядя на тёмные горы. Внизу, за поворотом реки, лежала дорога к Тифлису. По ней уже двигались люди, которым предстояло изменить судьбу этой земли.

А в селениях у Арагви пока продолжалась обычная жизнь. Женщины укладывали детей спать, мужчины проверяли хозяйство, старики вспоминали молодость. Никто ещё не знал, сколько домов вскоре останется без хозяев и сколько матерей будет ждать у дороги.

Но люди горной стороны уже начинали понимать: наступает время, когда привычные слова о чести и верности должны будут подтвердиться поступками.

И никто из них ещё не знал, что именно эта проверка сделает их имена бессмертными.

Глава 3. Весть из Тифлиса

Тифлис умел жить даже тогда, когда над ним сгущались тучи. Город привык к тревогам, к неожиданным переменам, к появлению чужеземных посланников и к разговорам о войне, которые то затихали, то вновь вспыхивали с новой силой. Его улицы никогда не принадлежали только одной эпохе: рядом с древними храмами стояли дома с деревянными балконами, над узкими переулками поднимались крепостные стены, а на рынках можно было услышать грузинскую, армянскую, персидскую и другие речи.

В обычные дни город просыпался шумно. Рано утром открывались лавки, ремесленники выставляли товары, из пекарен доносился запах горячего хлеба, а торговцы уже спорили о цене фруктов, вина и тканей. По мостам переходили люди, на улицах встречались всадники, носильщики и посыльные. Вода в банных кварталах поднимала над крышами лёгкий пар, и казалось, что ничто не способно нарушить привычный порядок.

Но в последние недели настроение горожан изменилось.

В чайханах и торговых лавках всё чаще обсуждали имя Ага-Мохаммед-хана. Одни говорили, что шах намерен восстановить власть Персии над грузинскими землями, другие утверждали, что он не ограничится угрозами и поведёт большое войско. Купцы, прибывавшие с южных дорог, рассказывали о движении отрядов, о требованиях персидского правителя и о том, что его посланники уже не скрывают намерений своего повелителя.

Особенно тревожило людей молчание тех, кто прежде уверял, будто опасность можно отвести переговорами.

В доме торговца Арчила, расположенном недалеко от оживлённой улицы, собрались несколько знакомых. Арчил торговал тканями и привозными товарами, имел связи с купцами из разных городов и обычно знал о происходящем больше других. За столом сидели его брат, двое соседей и пожилой армянский купец Карапет, много лет живший в Тифлисе.

— Сегодня на рынке говорили, что шах снова направил требования царю, — произнёс один из соседей.

— Он направлял их уже не раз, — заметил Арчил. — Вопрос в том, что последует после отказа.

Карапет осторожно поставил чашку на стол.

— Я видел персидские войска. И видел, как они входят в города. Поверьте, когда правитель собирается наказать целую страну, он не думает о том, сколько домов будет разрушено.

— А что же делать царю? — спросил брат Арчила. — Принять условия шаха?

— Я не советник царя, — ответил старик. — Но знаю одно: если сегодня отдать ему всё, завтра он потребует ещё больше.

Арчил посмотрел в окно. По улице проходили две женщины с корзинами, за ними бежали дети. На противоположной стороне мужчина чинил деревянную ставню, не обращая внимания на разговоры вокруг.

— Люди должны знать правду, — сказал торговец. — Нельзя заставлять их жить слухами.

— А кто им её скажет? — спросил сосед. — Царский двор?

— Может быть, и царский двор. Но сейчас всем нужно думать о том, что будет с городом.

В это время в царском дворце проходил один из важных разговоров последних недель. Ираклий II, уже немолодой, но сохранявший ясность ума и привычку лично вникать в дела государства, принимал людей, от которых зависели военные и политические решения.

За его плечами лежали десятилетия борьбы. Он знал цену победам, помнил поражения и понимал, что судьба небольшого царства нередко решается не только на поле боя, но и в дипломатических переговорах, где одно неверное решение способно обернуться последствиями для целого поколения.

Ираклий не был человеком, который легко поддавался панике. Но он не питал и иллюзий относительно намерений шаха.

Перед царём лежали донесения. В них сообщалось о движении войск, о переговорах, о положении на южных направлениях. Несколько советников обсуждали возможности обороны и состояние имеющихся сил.

— Если Ага-Мохаммед-хан решится на вторжение, — произнёс один из военачальников, — нам придётся собирать всех, кто способен держать оружие.

— Мы уже начали готовиться, — ответил другой. — Но людей недостаточно.

Царь некоторое время молчал.

— Я знаю, сколько у нас людей, — сказал он наконец. — И знаю, сколько их у шаха. Не нужно повторять мне очевидное. Скажите лучше, какие дороги он может использовать и где мы сможем задержать его продвижение.

Советник развернул карту.

— Главная опасность будет со стороны южных подступов. Если противник сумеет пройти через долины и приблизиться к столице, нам придётся принять бой там, где местность позволит использовать наши преимущества.

Ираклий склонился над картой. Он внимательно рассматривал дороги, перевалы и подходы к городу.

— Тифлис нельзя оставлять без защиты, — произнёс он. — Но нельзя и расходовать людей бездумно. Каждый отряд должен понимать свою задачу.

— Ваше величество, — осторожно начал один из присутствующих, — есть ещё вопрос о помощи извне.

Царь поднял голову.

— Я помню о наших союзниках.

В этих словах не было ни раздражения, ни уверенности. Только усталость человека, который слишком долго ждал от других исполнения обещаний и уже не мог позволить себе строить всю оборону государства на чужих решениях.

— Мы должны рассчитывать прежде всего на собственные силы, — продолжил он. — Если помощь придёт, мы примем её. Но защищать страну придётся нам самим.

После совещания Ираклий остался один. Он подошёл к окну и посмотрел на город. С высоты дворцовых покоев Тифлис казался спокойным. На крышах сушилось бельё, в переулках двигались люди, у ворот стояли повозки. Но царь знал: за этой повседневностью скрываются страхи тысяч жителей.

В памяти возникли годы его молодости, прежние походы, люди, которых он потерял, и решения, которые приходилось принимать без возможности узнать заранее, чем они закончатся.

Он уже не раз видел, как война разрушает не только крепости и дома, но и человеческие судьбы. И всё же отказываться от сопротивления означало признать, что судьбой его народа теперь распоряжается чужая воля.

Вечером в городе стало прохладнее. На улицах зажигались огни, а из открытых окон доносились разговоры. В одном из домов мать укладывала ребёнка и обещала ему, что завтра отец принесёт сладости. В другом пожилой человек перебирал старые письма. На рынке торговец закрывал лавку, надеясь, что завтра покупатели снова придут за товаром.

Тифлис продолжал жить.

Но в эту ночь по дорогам, ведущим к горным селениям, уже двигались царские посланники. Они везли распоряжения, которые должны были превратить тревожные разговоры в конкретные действия.

Ираклий понимал, что ему придётся обратиться к тем, кто живёт далеко от столицы, но чья верность может оказаться решающей. Среди них были и люди Арагви.

Он не мог знать, кто именно откликнется на призыв и сколько из пришедших сможет вернуться домой.

Но страна уже нуждалась в них.

Глава 4. Царское слово

В селении у Арагви день начался с привычной работы. Мужчины вывели скот на пастбища, женщины занимались хлебом и домашними делами, а дети помогали старшим носить воду и собирать хворост. Утренний туман ещё не успел окончательно рассеяться, когда на дороге показался всадник.

Сначала его заметили пастухи. Незнакомец двигался быстро, но не гнал лошадь без необходимости. На его одежде была дорожная пыль, за плечом висела небольшая сумка, а у пояса находился кинжал. Когда он приблизился к первым домам, несколько мужчин вышли навстречу.

— Откуда путь держишь? — спросил один из них.

— Из Тифлиса. Мне нужен Гиго, старейшина селения. А также Давид и Гиви.

— Что случилось?

— Есть царское распоряжение.

Эти слова сразу изменили настроение собравшихся. Мужчины переглянулись, и один из них поспешил за старейшиной.

Вскоре возле дома Гиго начали собираться люди. Пришли Давид, Гиви, кузнец Бесо, несколько старших воинов и молодые мужчины, среди которых был Леван. Женщины тоже стали выходить из домов, хотя держались поодаль. Каждая пыталась понять по лицам собравшихся, что принесло это утро.

Посланник спешился и снял дорожную сумку.

— Я прибыл по поручению царского двора, — произнёс он. — В Тифлисе готовятся к возможному вторжению персидского войска. Шах Ага-Мохаммед-хан продолжает предъявлять требования, которые царь Ираклий не может принять. В связи с этим собираются силы для защиты столицы и страны.

— Значит, война неизбежна? — спросил Давид.

— Я не могу сказать, что она уже началась. Но царский двор считает необходимым готовиться к худшему.

— Чего ждут от нас? — спросил Гиви.

Посланник достал документ.

— Необходимо составить список вооружённых мужчин, способных выступить в поход. Следует проверить состояние оружия, подготовить лошадей и запасы продовольствия. Окончательное распоряжение о движении отрядов будет передано отдельно.

Гиго попросил прочитать документ вслух.

Посланник развернул лист и начал читать. В нём говорилось о необходимости поддержать царскую власть, обеспечить защиту столицы и направить людей туда, где их присутствие окажется наиболее нужным. Формулировки были сдержанными, но смысл не оставлял сомнений: Грузии требовались защитники.

Когда чтение закончилось, несколько секунд никто не произносил ни слова.

Первым заговорил старейшина с седой бородой:

— Сколько времени нам дают?

— Список нужно подготовить как можно скорее. Я останусь здесь до завтра, чтобы передать сведения обратно в Тифлис.

— А если кто-то не может идти? — спросил другой.

— Учитывайте возраст, здоровье и семейные обстоятельства. Но не забывайте: речь идёт о защите страны.

Гиго поблагодарил посланника и пригласил его в дом. Однако люди не расходились. Каждый понимал, что теперь разговоры приобрели совсем иной смысл.

Гиви стоял рядом с Давидом.

— Вот и пришло царское слово, — сказал он.

— Да, — ответил Давид. — Теперь придётся отвечать не на слухи, а на распоряжение.

— Я пойду.

Давид посмотрел на него.

— Ты ещё даже не знаешь, когда выступать.

— Но уже знаю, что не останусь.

Неподалёку Леван услышал их разговор и сделал шаг вперёд.

— Я тоже пойду.

Гиви резко повернулся.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я сказал.

— Но царю нужны мужчины!

— Царю нужны не безрассудные мальчишки, а люди, которые умеют выполнять приказ и отвечать за свои поступки.

Леван побледнел.

— Значит, я для тебя всё ещё мальчишка?

— Ты мой сын. И этого достаточно, чтобы я не хотел видеть тебя на войне.

— А если враг придёт сюда? Ты ведь не сможешь защитить всех один!

Гиви схватил сына за плечо, но тут же отпустил. Он увидел в его глазах не обычное упрямство, а настоящий страх — страх оказаться бесполезным, когда родная земля будет нуждаться в защите.

— Мы ещё поговорим об этом, — сказал он уже спокойнее.

Вечером мужчины собрались в доме Гиго. Посланник передал им последние известные сведения о положении в столице, после чего старейшины приступили к составлению предварительного списка.

Работа оказалась непростой. Одни мужчины имели собственное оружие, другие должны были получить его у кузнецов. Некоторые могли выставить лошадей, другие располагали запасами продовольствия. Приходилось учитывать возраст, состояние здоровья, семейные обстоятельства и прежний военный опыт.

Бесо предложил записать всех молодых мужчин, но Давид остановил его.

— Не количество нам сейчас нужно. Нам нужны люди, которые смогут выдержать дорогу и выполнить поручение.

— А кто решит, кто сможет? — спросил кузнец.

— Для этого мы здесь и собрались.

Гиго попросил каждого назвать тех, кого он считает готовым выступить. Имена записывали одно за другим. В комнате становилось всё теснее, а разговоры постепенно приобретали более серьёзный характер.

Когда очередь дошла до Гиви, он назвал себя и ещё нескольких мужчин.

— Левана не записывай, — предупредил он.

Давид поднял голову.

— Он сам просился?

— Просился.

— И ты отказал?

— Да.

Давид ничего не ответил, но посмотрел на Гиви с пониманием.

Поздно вечером посланник вышел во двор. Он был утомлён дорогой и непривычной для него горной прохладой. Гиви подошёл к нему.

— Скажи, как там царь?

— Устал, — ответил тот после небольшой паузы. — Но продолжает работать. Принимает донесения, разговаривает с военачальниками, проверяет сведения.

— Он верит, что сможет удержать Тифлис?

Посланник посмотрел в темноту.

— Он знает, что город нужно защищать. А верить или не верить — это уже не главный вопрос.

Гиви кивнул.

— Передай ему, что люди Арагви услышали его слово.

— Передам.

На следующий день список был подготовлен. В нём значились мужчины разного возраста, имевшие военный опыт, собственное оружие или возможность получить его. Это ещё не был окончательный отряд, и никто не мог сказать, сколько человек в итоге отправится к столице. Но первое решение было принято.

Когда посланник уехал, Гиви вернулся домой. Мариам стояла возле печи, готовила хлеб. Она не стала задавать вопросов, потому что по лицу мужа уже всё поняла.

— Когда? — спросила она.

— Пока неизвестно. Но, вероятно, скоро.

Она сняла с огня глиняную посуду и поставила её на стол.

— Значит, нужно начинать собираться.

Гиви подошёл к ней.

— Мариам...

— Не надо, — тихо сказала она. — Не пытайся сейчас меня успокоить. Я всё понимаю.

Она вытерла руки полотенцем и посмотрела на мужа.

— Только обещай мне одну вещь.

— Какую?

— Не ищи смерти ради красивых слов. Не стремись быть первым только потому, что другие будут смотреть на тебя. Делай то, что должен, но не забывай, что у тебя есть дом.

Гиви обнял её.

— Я не собираюсь искать смерти.

— Тогда помни об этом, когда окажешься среди других мужчин.

В дверях появился Леван. Он слышал последние слова матери и некоторое время стоял молча.

— Отец, — произнёс он, — я всё равно хочу пойти.

Гиви повернулся к нему.

— Мы поговорим завтра. Я не обещаю, что соглашусь.

— Но и не запрещаешь?

— Я сказал, что мы поговорим.

Для Левана этого оказалось достаточно, чтобы впервые за несколько дней улыбнуться.

Вечером над селением снова поднялся дым домашних очагов. Но теперь каждый огонь казался Гиви частью чего-то большего. Он думал о Тифлисе, о царе Ираклии, о людях, которые скоро соберутся в дорогу, и о тех, кто останется ждать.

Царское слово достигло гор. И теперь каждому предстояло решить, как ответить на него.

Глава 5. Дорога на юг

Весть о предстоящем выступлении быстро распространилась по окрестным селениям. Ещё вчера мужчины обсуждали царское распоряжение как нечто, что может изменить их жизнь в неопределённом будущем, а сегодня уже проверяли оружие, осматривали конскую сбрую и договаривались о том, кто останется присматривать за хозяйством.

Гиви проснулся задолго до рассвета. В доме было тихо. Мариам спала, отвернувшись к стене, а Леван, устроившийся на своей постели возле окна, кажется, тоже не спал, хотя старательно закрывал глаза. Отец не стал его будить. Он оделся, вышел во двор и направился к небольшому навесу, под которым хранились инструменты и дорожное снаряжение.

На скамье лежало ружьё. Рядом находились пороховница, сумка для пуль, ремень и старый кинжал, доставшийся Гиви от отца. Он перебрал всё по порядку, проверил крепления и убедился, что ничего необходимого не забыто. Потом снял со стены дорожную суму и положил туда запасную рубаху, несколько сухарей и небольшой мешочек с солью.

Когда он закончил, на востоке уже начинало светлеть.

Мариам вышла во двор с чашкой горячего настоя.

— Ты опять не спал, — сказала она.

— Сегодня уже можно считать, что выспался.

— Ты даже перед дорогой не умеешь говорить правду.

Гиви улыбнулся и взял чашку.

— А ты всё равно её знаешь.

Она присела рядом. Некоторое время они молчали, слушая, как внизу шумит Арагви.

— Когда ты вернёшься? — спросила Мариам.

Гиви посмотрел на неё.

— Я ещё не знаю, когда мы выступим и куда именно нас направят.

— Я не о приказах спрашиваю. Я спрашиваю, когда ты вернёшься домой.

Он поставил чашку на скамью.

— Мариам, я вернусь, если смогу.

Она отвернулась. Ей не понравился этот ответ, но она понимала, что муж не может обещать невозможного.

— Тогда хотя бы пиши, если будет возможность.

— Постараюсь.

Из дома вышел Леван. На нём была чистая рубаха, а волосы ещё не успели высохнуть после умывания.

— Я готов, отец.

Гиви удивлённо посмотрел на него.

— К чему готов?

— К дороге.

Мариам вздохнула.

— Леван, мы ведь вчера всё обсудили.

— Вы обсуждали, а я слушал. Теперь хочу сказать сам.

Он повернулся к отцу.

— Я не прошу тебя взять меня ради того, чтобы я мог похвастаться перед другими. Я хочу быть там, где решается судьба нашей страны. Если я останусь здесь, мне всё время будет казаться, что я спрятался за твоей спиной.

Гиви внимательно смотрел на сына. В его словах уже не было прежнего мальчишеского упрямства. Перед ним стоял юноша, который начинал понимать, что взрослость не приходит вместе с бородой или первым оружием.

— Ты знаешь, что такое военная дорога? — спросил отец.

— Нет.

— Знаешь, что такое голод, холод, бессонные ночи и необходимость выполнять приказ, даже когда ты не понимаешь, почему его отдали?

— Нет.

— А знаешь, что такое видеть, как рядом падает человек, с которым ещё вчера ты делил хлеб?

Леван опустил глаза.

— Нет.

— Тогда почему ты думаешь, что готов?

— Потому что всему этому я могу научиться.

Гиви долго молчал. Затем посмотрел на Мариам. Она не вмешивалась, но в её глазах стояла тревога.

— Хорошо, — произнёс он наконец. — Ты пойдёшь со мной до места сбора. Там поговорим с Давидом и Гиго. Если они сочтут, что ты способен быть полезным, я не стану препятствовать.

Леван не сразу поверил услышанному.

— Значит, ты разрешаешь?

— Я разрешаю тебе доказать, что ты способен не только проситься в поход, но и отвечать за свои поступки.

Мариам ничего не сказала. Она подошла к сыну, поправила ворот его рубахи и поцеловала в лоб.

— Только не забывай, что дома тебя любят, — произнесла она.

— Не забуду, мама.

К полудню мужчины начали собираться возле дома Гиго. Приходили небольшими группами, приводили лошадей, несли оружие и дорожные мешки. Кто-то прощался с женой прямо у ворот, кто-то старался шутить, чтобы скрыть волнение. Старейшины ещё раз проверяли список и обсуждали, кто должен отправиться первым.

Гиви пришёл вместе с Леваном. Давид уже находился во дворе, разговаривая с несколькими мужчинами. Увидев их, он кивнул.

— Значит, всё-таки взял сына?

— Пока только на разговор.

Давид посмотрел на Левана.

— А ты уверен, что не передумаешь, когда увидишь, сколько здесь работы?

— Уверен.

— Это хорошо. Но помни: в походе не тот полезен, кто громче всех говорит о храбрости. Полезен тот, кто делает то, что поручено.

Вскоре подошёл Гиго. Он внимательно выслушал Гиви, затем спросил Левана о возрасте, состоянии здоровья и навыках. Юноша отвечал спокойно, не пытаясь приукрасить свои возможности.

— Стрелять умеешь? — спросил старейшина.

— Отец учил.

— С лошадью обращаться умеешь?

— Да.

— А если тебе прикажут остаться в обозе, пока остальные пойдут вперёд?

Леван замялся.

— Если это будет необходимо, останусь.

Гиго посмотрел на Гиви.

— Возьми его с собой. Но не обещай ему места среди тех, кто будет сражаться. Пусть сначала научится быть частью отряда.

Гиви согласился.

К вечеру был определён первый состав людей, которым предстояло отправиться к столице. Это ещё не означало, что именно они составят тот отряд, который позднее войдёт в народную память. Впереди оставались сборы, новые распоряжения и встречи с другими группами. Но дорога уже начиналась.

Перед выступлением Гиви ещё раз зашёл домой. Мариам приготовила ему небольшой запас еды и завернула в ткань кусок хлеба, сыр и сушёные фрукты.

— Здесь хватит на несколько дней, — сказала она. — Если встретишь кого-нибудь из наших, поделись.

— Обязательно.

Она подала ему небольшой тканевый мешочек.

— Возьми.

— Что это?

— Земля из нашего двора. Я набрала её утром возле старой груши.

Гиви удивлённо посмотрел на жену.

— Зачем?

— Не знаю. Может быть, чтобы ты помнил, откуда уходишь.

Он бережно спрятал мешочек во внутренний карман одежды.

— Я и без него помню.

— Знаю. Но пусть будет.

Леван, стоявший у двери, заметил, что мать вытирает глаза. Он подошёл и обнял её.

— Мы вернёмся, мама.

Она крепко прижала его к себе.

— Не обещай того, чего не можешь знать.

— Тогда обещаю, что буду слушаться отца.

— Это уже лучше.

Когда мужчины покинули селение, солнце клонилось к западу. Их было ещё немного, и они двигались без спешки, сохраняя расстояние между лошадьми и людьми. Дорога сначала шла вдоль реки, затем поднималась на каменистый участок, откуда открывался широкий вид на долину.

Леван несколько раз оглянулся. Селение постепенно уменьшалось, дома скрывались за деревьями, а люди, стоявшие у ворот, превращались в маленькие фигуры.

— Не оборачивайся слишком часто, — сказал Гиви.

— Почему?

— Потому что дорога впереди тоже требует внимания.

— Я просто хотел запомнить.

Отец посмотрел на сына.

— Запоминай. Только не думай, что дом исчезает, когда ты перестаёшь его видеть.

К вечеру отряд остановился возле небольшого селения. Мужчины договорились переночевать у знакомого пастуха, который согласился предоставить им место под навесом. Лошадей расседлали, оружие сложили рядом, а сами устроились у костра.

Бесо, пришедший вместе с другой группой, уже успел найти себе собеседников и рассказывал какую-то историю о кузнице. Его слушали, смеялись, задавали вопросы. Даже Гиви, обычно сдержанный, несколько раз улыбнулся.

Леван сидел чуть поодаль и наблюдал за мужчинами. Он впервые видел их не в привычной обстановке селения, а в дороге, где каждый постепенно становился частью общего дела.

Давид подошёл к нему и сел рядом.

— Устал?

— Немного.

— Это только начало.

— Я знаю.

— Не знаешь, — мягко возразил Давид. — Но узнаешь.

Он протянул юноше кусок хлеба.

— Ешь. Завтра дорога будет длиннее.

Ночь опустилась на долину. Над горами появились звёзды, а река продолжала шуметь где-то в темноте. Гиви лежал, положив рядом ружьё, и думал о доме. Он понимал, что отныне его жизнь будет зависеть не только от собственных решений. Впереди были другие люди, приказы, дороги и обстоятельства, которые невозможно предугадать.

Он повернулся к сыну. Леван уже спал, прижавшись плечом к дорожной суме.

Гиви осторожно поправил на нём накидку.

Потом поднял глаза к небу.

— Господи, сохрани их, — тихо произнёс он.

Он не уточнил, кого именно имел в виду. Возможно, жену и сына, возможно, всех людей, оставшихся в селениях у Арагви, а может быть, и тех, кто завтра отправится вместе с ним навстречу неизвестности.

Утром они снова выйдут на дорогу. И с каждым пройденным километром горная река будет оставаться всё дальше позади.

Глава 6. Там, где ждут возвращения

Дорога на юг постепенно меняла не только окружающий пейзаж, но и настроение людей. За спиной оставались знакомые горы, шумные потоки, узкие тропы, по которым они ходили с детства. Впереди лежали дороги, ведущие к царской столице, и каждый новый день приближал их к месту, где решалась судьба всей страны.

Гиви ехал молча. Он не был человеком, который привык делиться тревогами с каждым встречным. За долгие годы он научился держать мысли при себе, особенно тогда, когда рядом находились люди, рассчитывавшие на его спокойствие. Но иногда, когда дорога поднималась на очередной перевал и открывала далёкий вид на горные склоны, он невольно оглядывался назад.

Там, далеко, оставались его дом, жена и сын.

Мариам провожала его на рассвете. Она не плакала, не просила остаться и не пыталась удержать за рукав. Только поправила ремень его дорожной сумки и вложила в ладонь небольшой матерчатый мешочек с землёй из их двора.

— Возьми, — сказала она. — Не для того, чтобы земля спасала тебя от беды. Просто пусть напоминает, куда тебе надо вернуться.

Гиви тогда ничего не ответил. Он лишь крепко сжал её руку. Слова иногда оказываются слишком бедными для того, что человек хочет сказать.

Теперь мешочек лежал у него под одеждой, рядом с сердцем. И всякий раз, когда конь спускался с крутой дороги или всадники останавливались на привал, Гиви чувствовал его прикосновение и вспоминал жену.

Леван держался немного позади отца. Он старался не показывать усталости, хотя непривычная дорога давалась ему нелегко. Юноша уже не раз хотел заговорить с Гиви о предстоящем походе, но каждый раз откладывал разговор. Он чувствовал, что отец чем-то встревожен, и не хотел показаться ему беспечным.

Однажды вечером, когда отряд остановился у небольшого селения, к ним вышел старик. Он долго смотрел на всадников, словно пытался узнать среди них кого-то знакомого, а потом обратился к Давиду:

— Вы из верхнего ущелья?

— Оттуда, — ответил Давид.

— Значит, и Гиви с вами?

Гиви подъехал ближе.

— Я здесь, старый друг.

Старик улыбнулся, хотя улыбка его получилась усталой.

— Давно не виделись. Я слышал, что ты снова взялся за оружие.

— Пока руки держат меч, а ноги могут пройти дорогу, воину рано считать себя старым.

— Это верно. Только скажи мне, Гиви, неужели опять пришло время, когда мужчины должны уходить из дома, а женщины — ждать у ворот?

Гиви посмотрел на старика. В его вопросе не было упрёка. Скорее, в нём звучала та горькая усталость, которая накапливается в народе после многих лет тревог и войн.

— Я не знаю, что нас ждёт, — ответил он. — Но знаю, что если каждый останется дома, защищать будет уже нечего.

Старик кивнул и пригласил путников к себе. Он жил в небольшом доме на окраине селения. Его жена поставила на стол хлеб, сыр и кувшин вина. Люди ели, разговаривали о дороге, расспрашивали о новостях из разных мест. Но за обычными словами чувствовалось беспокойство: вести о приближении большой опасности уже достигали даже тех селений, которые находились далеко от Тифлиса.

После ужина Гиви вышел во двор. Ночь была ясной, и над крышами домов виднелись звёзды. Ветер шевелил ветви старой груши возле стены.

К нему подошёл Леван.

— Отец, можно спросить?

— Спрашивай.

— Ты думаешь, мы вернёмся?

Гиви не сразу ответил. Он посмотрел на сына, который уже не казался ему ребёнком. В его лице всё ещё сохранялась юношеская горячность, но глаза стали серьёзнее. Дорога понемногу учила его тому, чему не научишь ни рассказами, ни наставлениями.

— Каждый человек, уходящий из дома, надеется вернуться, — сказал Гиви. — Иначе он не был бы человеком. Но обещать тебе этого я не могу.

— А ты сам не боишься?

— Боюсь.

Леван удивлённо поднял глаза.

— Ты?

— А почему нет? Думаешь, страх бывает только у молодых? Просто с годами начинаешь понимать, что храбрость не в том, чтобы ничего не бояться. Храбрость в том, чтобы не позволить страху решать за тебя.

Они некоторое время стояли молча.

— Мать будет ждать, — тихо сказал Леван.

— Будет.

— Она ничего не сказала, когда мы уезжали. Только долго смотрела вслед.

— Она сказала мне больше, чем ты думаешь.

Гиви достал из-за пазухи мешочек и показал сыну.

— Это она дала мне перед дорогой. Земля из нашего двора.

Леван внимательно посмотрел на него.

— У меня тоже есть земля, отец.

— Знаю. Ту, что ты взял у костра перед самым рассветом?

— Да. Я тогда подумал, что это просто память о доме. А теперь понимаю, что это обещание.

— Какое обещание?

— Что бы ни случилось, я не забуду, кто я и откуда пришёл.

Гиви положил руку сыну на плечо.

— Вот это обещание и постарайся сдержать. Остальное будет зависеть не только от нас.

В ту ночь они долго не ложились. Слышали, как в соседних дворах переговариваются люди, как где-то лает собака, как ветер касается ставней. Всё было так похоже на их родное селение, что на мгновение Гиви показалось, будто они никуда не уезжали. Но утром дорога снова позвала их вперёд.

В других домах в это время тоже не спали.

Мариам поднялась затемно. Она разожгла огонь, поставила на стол кувшин с водой и долго смотрела на пустое место, где обычно сидел Гиви. Потом подошла к сундуку, достала его старый пояс и аккуратно сложила рядом с одеждой.

Она не знала, когда муж вернётся. Не знала даже, получит ли от него весточку. Но дом должен был оставаться домом, а не превращаться в место, где всё напоминает о беде.

Соседка Тамар заглянула к ней ближе к полудню.

— Есть новости?

Мариам покачала головой.

— Пока нет.

— Говорят, царю нужны все, кто способен держать оружие.

— Значит, мужчины должны идти.

Тамар присела у очага.

— А если не вернутся?

Мариам посмотрела на неё спокойно, хотя внутри всё сжалось.

— Тогда нам придётся жить дальше. Ради детей, ради земли, ради тех, кто останется.

— Ты всегда была сильной, Мариам.

— Нет, Тамар. Просто иногда женщине некому передать свою тревогу. Вот и приходится носить её самой.

Тамар ничего не ответила. Она только накрыла ладонью руку подруги.

В тот день женщины работали вместе. Одна приносила воду, другая месила тесто, третья помогала старикам. Мужчины ушли, но жизнь не могла остановиться. Надо было кормить детей, ухаживать за скотом, чинить крыши и готовиться к тому, что впереди могли наступить тяжёлые времена.

Вечером Мариам вышла за ворота. С дороги ещё можно было увидеть дальний склон, за которым начинался путь на юг. Она долго стояла там, пока не стемнело окончательно.

Ей хотелось верить, что однажды на этой дороге снова покажется знакомый силуэт всадника. Что она услышит голос Гиви, увидит его усталую улыбку, а Леван войдёт во двор уже не мальчиком, а взрослым мужчиной.

Она не произнесла молитву вслух. Только перекрестилась и вернулась в дом.

А дорога тем временем продолжалась. Люди двигались к Тифлису, не зная, что именно там их ждёт, и не подозревая, насколько скоро привычные слова — дом, семья, возвращение — приобретут для них совсем иной смысл.

Глава 7. Встреча с царём

К Тифлису они приблизились спустя несколько дней. Сначала показались дальние строения, затем башни и стены, а потом город открылся перед ними во всей своей необыкновенной живости. Над крышами поднимался дым очагов, на улицах слышались голоса торговцев, стук колёс и звон подков. По узким переулкам двигались люди, спешившие по своим делам, и казалось, что город живёт обычной жизнью, не замечая тревоги, которая всё настойчивее подступала к его воротам.

Но Гиви сразу почувствовал перемену. На улицах было больше вооружённых людей, чем обычно. У городских застав задерживали приезжих, расспрашивали о дорогах и требовали объяснить, откуда они прибыли. Купцы говорили вполголоса, а разговоры о Персии всё чаще обрывались, когда рядом появлялся незнакомец.

— Город словно прислушивается к чему-то, — заметил Леван.

— Так бывает перед грозой, — ответил Давид. — Даже если небо ещё чистое.

Их отряд направили к месту, где собирались прибывавшие из разных областей воины. Там уже находились люди из Картли, Кахетии и других грузинских земель. Одни приехали небольшими группами, другие привели с собой целые отряды. У каждого была своя история, но цель у всех была общей: услышать царское слово и понять, что предстоит делать дальше.

Гиви встретил нескольких знакомых, с которыми когда-то пересекался в военных походах. Они обменялись рукопожатиями, расспросили друг друга о семьях и дорогах. Один из старых воинов, увидев его, покачал головой:

— Не думал, что снова увижу тебя среди вооружённых людей.

— Я тоже не думал, что снова окажусь здесь.

— Значит, времена опять изменились.

— Похоже на то.

Позже к прибывшим пришёл царский посланник. Он объявил, что часть воинов будет допущена к встрече с Ираклием II. Отряд Гиви оказался среди тех, кому предстояло предстать перед царём.

Леван заметно выпрямился.

— Мы увидим его?

— Если нас пригласили, значит, увидим, — ответил отец.

— Я никогда не был так близко к царю.

— Тогда постарайся запомнить не только его лицо, но и то, что он скажет.

Встреча состоялась в одном из помещений царского дворца. Там не было той торжественной роскоши, которую Леван представлял себе прежде. Обстановка казалась строгой, почти суровой. На стенах висели оружие и старинные предметы, а у входа стояли вооружённые люди. Несколько советников беседовали между собой, ожидая появления государя.

Когда вошёл Ираклий II, разговоры стихли.

Леван впервые увидел царя так близко. Перед ним стоял пожилой человек, чьё лицо было отмечено годами и заботами. В его облике не было показной величественности, но чувствовалась привычка повелевать и отвечать за решения, от которых зависела судьба многих людей.

Ираклий остановился перед собравшимися и внимательно оглядел их.

— Откуда прибыли? — спросил он.

Старший из сопровождавших воинов назвал область и селения. Затем вперёд выступил Гиви.

— Из горной стороны, государь. Люди нашего ущелья пришли по твоему призыву.

Царь посмотрел на него.

— Далеко вам пришлось ехать.

— Дорога знакомая, государь. Непривычно другое — видеть столько тревоги в глазах людей.

Несколько человек едва заметно улыбнулись. Ираклий тоже чуть смягчил выражение лица.

— Ты говоришь прямо. Это хорошо. Сейчас нам особенно нужны люди, которые не станут скрывать правду ради красивых слов.

Он прошёл вдоль стоявших воинов. Остановился возле одного из молодых людей, спросил его имя и откуда он родом. Потом обратился ко всем:

— Я знаю, что многие из вас оставили дома семьи, хозяйство и привычную жизнь. Я не стану говорить, будто впереди нас ждёт лёгкая дорога. Враг силён, и его намерения уже не скрыты. Мы пытались сохранить мир, но не всякое желание мира зависит от того, кто его желает.

Гиви слушал внимательно. Он понимал, что царь не станет раскрывать перед всеми подробности переговоров и военных решений. Но в этих словах было достаточно, чтобы почувствовать серьёзность положения.

— Государь, — спросил один из воинов, — можем ли мы рассчитывать на помощь соседей?

Ираклий на мгновение задержал взгляд на говорившем.

— Мы обращались за помощью. Обещания были даны. Но я не могу строить судьбу страны только на обещаниях других государей. Мы должны быть готовы защищать свою землю собственными силами.

— А если сил окажется недостаточно? — прозвучал другой голос.

Царь не ответил сразу.

— Тогда каждый из нас должен будет сделать всё, что в его силах. Не ради моей короны. Ради тех, кто живёт в этой стране и кому завтра некуда будет уйти.

Эти слова произвели на собравшихся сильное впечатление. Леван смотрел на царя, стараясь запомнить каждое движение его лица. Он впервые понял, что государь — не только человек, которому подчиняются. Это ещё и человек, который сам несёт тяжесть решений, не всегда имеющих хороший исход.

Когда встреча закончилась, воины стали расходиться. Гиви задержался у выхода. Ираклий заметил его и подозвал.

— Ты старший среди своих?

— Один из старших, государь.

— Сколько людей привёл?

— Столько, сколько смогли собрать без того, чтобы оставить селение совсем без защиты.

Царь кивнул.

— Правильно. Не забывай: защищать страну — значит защищать и тех, кто остался дома. Береги своих людей. Не трать их напрасно.

Гиви склонил голову.

— Постараюсь, государь.

Он вышел во двор, где его уже ждал Леван.

— Что он сказал тебе? — спросил юноша.

— Напомнил то, что каждый командир должен помнить.

— Что именно?

— Что люди — не оружие, которое можно заменить. За каждым воином стоят дом, семья и чья-то надежда на возвращение.

Леван задумался.

— Я думал, царь будет говорить о победе.

— Возможно, он и сам хотел бы говорить только о ней. Но настоящий правитель обязан думать не только о том, чего желает, но и о том, что может случиться.

Они направились к месту сбора. На улицах по-прежнему кипела жизнь, торговцы расставляли товары, женщины несли корзины, дети играли возле домов. Но теперь Гиви смотрел на всё это иначе. Он понимал, что защищать предстоит не отвлечённое понятие и не царскую власть саму по себе. За городскими стенами находились люди, которые утром открывали лавки, провожали детей в школу, спорили с соседями, пекли хлеб и надеялись на завтрашний день.

Именно ради них стоило держать оружие.

Вечером воины снова собрались вместе. Разговоры были оживлёнными, но никто уже не сомневался, что впереди их ждёт серьёзное испытание. Одни надеялись на помощь союзников, другие считали, что решать всё придётся самим. Гиви слушал, не вмешиваясь.

Он знал: царское слово прозвучало, но настоящая проверка начнётся не во дворце. Она начнётся там, где человек должен будет подтвердить свои слова поступком.

Глава 8. Тревожные вести

Утро в Тифлисе началось с непривычной тишины.

Обычно город просыпался шумно: на улицах уже с раннего часа слышались голоса торговцев, скрип телег, перекличка ремесленников, звон посуды в открывавшихся харчевнях. Но в тот день люди словно старались говорить тише. Даже на базаре, где прежде всякая новость мгновенно превращалась в предмет оживлённого обсуждения, теперь чаще переговаривались вполголоса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.